

Журнал "Искорка"

№07, 1965

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Искорка": №07, 1965 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-458-62082-6

«Искорка» — детский журнал, ежемесячное приложение к газете «Ленинские искры». Выходил в 1957—1992 годах. Первоначально выходил в маленьком объёме и формате и ставил себе скромную задачу, чтобы дети смогли прочитать интересный рассказ, стихи, познакомиться с героями наших дней, а в часы досуга посидеть над разгадыванием кроссвордов, шарад, головоломок». Однако уже к концу 1957 года объём журнала значительно увеличился, стали печататься повести, пьесы.

ISBN 978-5-458-62082-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

того памятника советскому солдату со спасённой девочкой на руках, состоялся огромный митинг, где делегаты поклялись охранять мир.

1953 год. БУХАРЕСТ. Под голубым небом столицы Румынии звенели песни IV фестиваля. Из 111 стран приехали 30 тысяч юношей и девушек. Хозяева — молодёжь Бухареста — спрашивали всех гостей: «А вы видели наш стадион?» Это был их подарок фестивалю. За 100 дней румынская молодёжь построила стадион на 80 тысяч мест.

1955 год. ВАРШАВА. Возрождённая из пепла польская столица приняла в свои объятия 32 тысячи делегатов из 114 стран. Молодёжь пробивалась на свой V фестиваль с огромными трудностями. В Португалии полицейские власти арестовали юношу и девушку, избранных делегатами фестиваля. Их бросили в тюрьму перед самой поездкой в Варшаву. Но португальская молодёжь решила — наши делегаты должны быть в Варшаве! Как это сделать? Подготовили побег из тюрьмы. Прорыли тоннель под тюремной стеной. Подкупили стражников. В тёмную ненастную ночь молодые патриоты бежали из тюрьмы. В Варшаву они прибыли вовремя. А делегат Кубы Луис Перес прорвался на V фестиваль через барьер батистовского режима. Это сейчас Куба — остров Свободы. А тогда Луиса схватили полицейские за то, что он писал на стенах фестивальные лозунги. Перед ним стояло ведро с краской. Полицейские заставили Луиса выпить всю краску. Два месяца юноша боролся со смертью, но всё-таки выжил. Куба послала его своим делегатом на фестиваль.

1957 год. МОСКВА. Это был самый большой фестиваль. Наша столица приняла 34 тысячи гостей из 131 страны.

Чтобы сорвать Московский фестиваль, папа Пий XII решил провести в то же время свой фестиваль в Риме. Он грозился отлучить от церкви тех католиков, которые поедут в Москву. Он надеялся, что угрозы и соблазн римского фестиваля победят. Не тут-то было. О Московском фестивале трудно рассказать словами. Вот цифры:

для того чтобы участвовать во всех встречах, на всех праздниках и концертах, одному человеку понадобилось бы 95—100 лет! А если бы все фотокорреспонденты, которые приехали на Московский фестиваль, начали бы печатать в специальной газете «Фестиваль» все сделанные фотографии, то это заняло бы время в двадцать веков!

На Московском фестивале родилась чудесная песня «Подмосковные вечера».

1959 год. ВЕНА. В «город вальсов», как называют Вену, прибыли 18 тысяч делегатов из 120 стран.

Советский делегат целинник Иван Рудский привёз на фестиваль образцы целинной пшеницы. И тысячи друзей брали на память по одному зёрнышку, бережно прятали его, чтобы, приехав домой, посеять зёрнышко в родной земле как память о дружбе и мирной жизни.

1962 год. ХЕЛЬСИНКИ. В стране озёр собрались 18 тысяч делегатов из 137 стран.

Как ни старались провокаторы и финские фашисты омрачить и сорвать торжество юности, у них ничего не вышло. Два хельсинкских мальчугана Пекка и Гаппо сказали в полиции, что им обещали по 1000 финских марок за каждую хулиганскую выходку против фестиваля. Провокаторы даже ребят вербовали.

Фестиваль победил и здесь. Честные люди Финляндии были рады делегатам фестиваля как самым дорогим гостям.

Поэт Ошанин написал об этих днях:

*Хельсинки, Хельсинки, Хельсинки,
Двое друзей, трое друзей.
Сразу столько друзей,
Сколько в окнах огней.*

IX фестиваль предполагалось провести в июле 1965 года на африканском континенте, в Алжире, только что сбросившем с себя цепи колониализма.

Но в связи с тем, что в Алжире произошла смена правительства, Международный фестивальный комитет решил изменить срок и место проведения IX фестиваля.

Но где бы и когда бы ни был фестиваль — все уже твёрдо и хорошо знают, что он приносит с собой дружбу и песни. И какие бы тёмные силы ни старались помешать единству молодёжи мира — это невозможно. Потому что молодёжь понимает: дело мира в первую очередь в её руках, и чем больше будет крепких рук, ограждающих покой и счастье людей, тем надёжнее будет мир.

Итак, впереди IX Всемирный фестиваль!

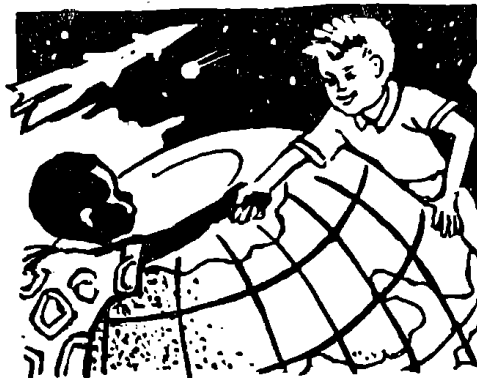
Эдит Сигэл

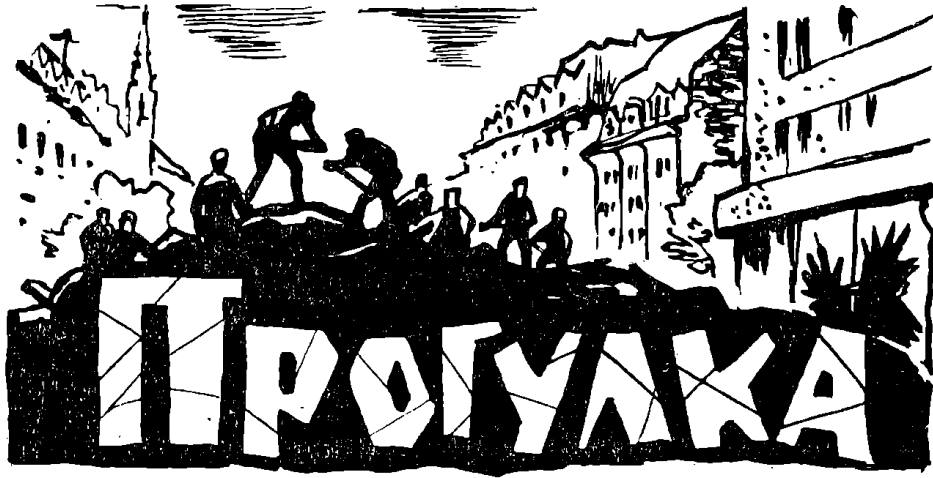
(США)

Чужой язык

*Девочка приехала
Из чужой страны,
Как-то разговаривать
Мы должны.
Я не знаю языка
Твоего.
Вот тебе моя рука —
Ничего?
Мы сейчас пойдём с тобой
Танцевать.
Можно ли язык такой
Не понять?*

Перевод с английского
Г. УСОВОЙ

В САМОМ ЦЕНТРЕ перекрёстка стоял «тигр». Солнечные лучи пробивались сквозь иссечённую пулемётной очередью листву, и в их сиянии танк весь лоснился от смазки. Злобный грохот в металлическом брюхе «тигра» прекратился, и он замер на месте, подобный чудовищному роботу, сбжавшему из научно-фантастического рассказа.

Со стороны могло показаться, что танк пуст. Но его пушка, медленно поворачивавшаяся то вправо, то влево, нацеливалась на фасады с мёртвыми окнами. Потом дуло пушки вытянулось вдоль аллеи безлюдного бульвара, а из её пасти вырвался огненный язык. В двухстах метрах от танка стеклянные стены нарядного кафе рассыпались искрящейся пылью...

— Рехнулись они, что ли? Стреляют потехи ради!

— Да нет, не такие они дураки. Пока танк здесь, нашим не подойти. А нам — не выбраться.

Шестеро мужчин притаились в узком проходе между домами, шагах в тридцати от танка.

— Эх, будь у нас хоть несколько гранат! — пробормотал один из них и сердито мотнул головой в направлении «тигра».

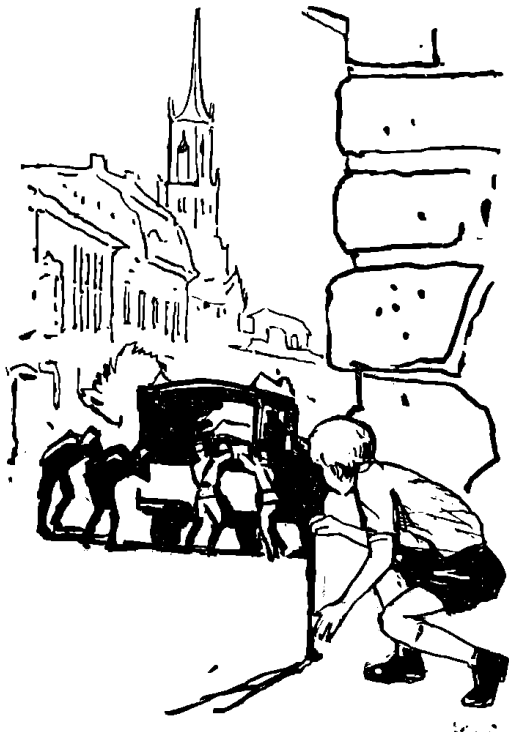
ПАРИЖ горел, как в лихорадке. Первые боевые схватки начались три дня назад в предместьях. И с тех пор город не смыкал глаз. После долгих, продолжавшихся почти пятьдесят месяцев, страданий Париж снова захотел жить — и жить свободным. Против угнетателей выступили все: мужчины, женщины, дети... Париж восстал.

Баррикада... Засада... Снова

баррикада... Опять засада... Ближился конец. Тщетно пытаясь отдалить его, разъярённый враг направил «тигров» в самое сердце города.

ТЫ КУДА, Альбер? — У мамы было такое встревоженное лицо. Она только на минутку оторвалась от людей, передававших по цепи булыжники из развороченной мостовой на баррикаду. Но не мог же Альбер сказать ей, куда он собирается, — мать наверняка не отпустила бы его.

— Немножко погуляю в нашем квартале, мамочка, правда же, только в нашем квартале — больше никуда! — И, оставив мать у баррикады, он тут же вышел из своего района — Бельвиля — и зашагал дальше, к Сене и Новому мосту, куда, как он слышал из разговоров взрослых, ушёл ранним утром отец.

Странная прогулка в местах, где Альбер никогда раньше не бывал. Пустынные улицы... вымершие дома... И вдруг — группа людей, возбуждённых и радостных, забравшихся на высокие баррикады — точь-в-точь как на картинках в учебнике истории. Потом снова безлюдные улицы, усеянные осколками стекла, сверкающими на солнце, как бриллиантовая россыпь... И машины, мчащиеся быстрее, чем в кинофильмах, и в них — мужчины с винтовками и автоматами. И где-то вдалеке строчит пулемёт, стреляющий невесть откуда, невесть в кого.

Да, в самом деле, странная прогулка.

Альбер не успел добраться до реки — за поворотом улицы ему пришлось спрятаться в подворотню, чтобы не натолкнуться на группу гитлеровцев. У них был такой растерянный вид, что мальчику припомнилась поговорка: «Крысы бегут с тонущего корабля».

— Ну и рожи! Удирают, проклятые!

Обливаясь потом, с вытянутыми от напряжения и страха физиономиями, фашистские солдаты суетились возле большой машины, грузя в кузов тяжёлые, окованные железом ящики. Ружья? Боеприпасы? Мальчишка, конечно, не мог этого знать.

Но когда грузовик исчез за углом, Альбер осторожно подобрался к зданию, из окна которого ещё свисал флаг со

свастикой, и там, в глубине полутёмной комнаты, заметил ещё один ящик, видимо в спешке забытый фашистами.

Альбер немного выждал... Кругом — ни души. Тогда он толкнул дверь. Никого. Он подошёл к ящику, но не смог разобрать, что на нём написано, и решил:

— Наверно, там оружие. А сейчас оно здорово пригодилось бы нам!

Мальчишка в том возрасте, когда ещё играют в оловянные солдатики, сказал «нам» совершенно просто — объединяя себя с восставшим народом.

И вот тогда-то началась в этом районе, ещё занятом врагом, самая жуткая игра в кошки-мышки, в которой когда-либо принимал участие кто-нибудь из детей.

— Надо переправить ящик к нашим... Только где они?

Волоча ящик, крадучись вдоль стен, он двинулся наугад по незнакомым улицам. Иногда он вздрагивал от выстрела, иногда прятался в подъезде от приближавшегося танка. Но едва стихал лязг гусениц, Альбер снова пускался в путь, вцепившись обеими руками в верёвку, которая уже давно протёрла его рубашку до дыр.

Несколько раз он чуть не попался немцам, пока наконец добрался до какой-то большой аллеи. Он узнал её, потому что не раз бывал здесь с родителями, давно,

когда в Париже ещё были весёлые праздники:

— Так... Это — Итальянский бульвар... Слева — площадь Оперы... Кажется, у фашистов здесь комендатура... Её наверняка охраняют... Лучше обойти с другой стороны. В конце концов, я просто испекусь от жары...

Мальчик откинул белокурую прядь, грязные пальцы оставили на лбу три тёмных полосы:

— Если б это был ящик с мылом, может, он лучше скользил бы...

Он всё время говорил вслух, сам с собой:

— Ну, взяли! Эх...

И Альбер запел знаменитую песнь волжских бурлаков, которую любил и часто напевал отец.

Перегнувшись вперёд, с трудом передвигая тонкие (как у всех мальчишек парижского предместья) ноги, продев руки в надетую на плечи верёвку, он протащил ящик ещё несколько метров.

— Придётся потребовать себе продовольственную карточку работников физического труда!

Он присел на скамью, чтобы перевести дыхание, поставил ноги на ящик и принялся растирать ладони, онемевшие от верёвки:

— Куда теперь? В эту сторону? Или в ту?

«В эту сторону» значило — до конца бульвара, под деревьями, опалёнными солнцем, и на площадь Оперы...

Опера... Это, кажется, что-

то вроде театра, где артисты не говорят, а поют. Мама как-то сказала, что там, наверно, очень красиво, но пускают туда только тех, кто хорошо одет.

Или — в другую сторону, в противоположный конец пустынного бульвара. Там — площадь Республики...

Альбер хорошо знал её, он не раз бегал туда с мальчишками из Бельвиля. И все они тогда удивлялись, почему фашисты ещё не переименовали эту площадь.

— Теперь-то уж не успеют переименовать. У них нынче полно других дел. Ладно, пошли дальше! Не возиться же с этим ящиком до самого начала занятий в школе! Вперёд! К Республике!

И он снова запел:

...Нас родина зовёт,

Мы победим или погибнем!

Ему стало досадно, что он забыл конец «Прощальной песни», которую потихоньку напевал им школьный учитель.

КАПЛИ пота сливались на лбу в блестящие ручейки. Все мышцы рук и ног точно одеревенели. Временами даже темнело в глазах.

— Не падать духом! Надо держаться! В конце концов, встретится же кто-нибудь из наших.

Углы ящика то и дело увязали в расплавленном от зноя асфальте. И тогда Альберу приходилось резким рывком высвобождать свою «добычу».

— Если бы идти по мостовой, было бы гораздо легче. И какой идиот выдумал эти чёртовы панели!

Но идти посреди улицы было слишком опасно — там он стал бы прекрасной мишенью для вражеских стрелков. Поэтому приходилось держаться теневой стороны бульвара, прижиматься к стенам домов и с оглядкой переходить бесчисленные пересекающие бульвар улицы. Переход через улицу представлял для Альбера сущую пытку. Стащить ящик с панели было сравнительно легко, но через несколько метров приходилось снова втаскивать его на тротуар противоположной стороны.

— Ей-богу, он весит не меньше тонны! Ну, взяли! Ещё взяли! Уф!

И вдруг — Альбер как раз перебирался через улицу — раздался пушечный залп. В нескольких шагах от него разлетелась мелкими осколками стеклянная стена кафе. И тут Альбер увидел танк. Стальная громадина наводила на него свою пушку.

— Влип! Теперь — смотри в оба!

Он ещё крепче ухватился за верёвку и продолжал медленно передвигаться, перегнувшись почти пополам, таща свой драгоценный трофей из последних сил.

Танк выстрелил ещё раз... другой... третий... Совсем рядом с Альбером, на металлической шторе, закрывавшей витрину магазина, рас-

цвёл железный цветок, а за шторой раздался звон разбитого стекла. Ещё один снаряд, оцарапав стену дома, обрушил на него град мелких камешков.

— Ходу, Альбер!.. Ещё несколько шагов, и танк останется позади. Можно будет удрать вон по той улице. Там уже безопасно. Ну, давай!.. Взяли!

Но, когда он поравнялся с танком, башня повернулась. Чёрный глаз пушки уставился на мальчика, прямо на него.

— Сюда, парнишка! Живей!

Чья-то жёсткая рука схватила Альбера за плечо и толкнула в какую-то дыру.

— Ты что, с ума сошёл? Ведь ещё секунду — и при-

шлось бы собирать тебя чайными ложками!

А фашисты, видимо, решили, что не стоит тратить снаряды зря, — дуло пушки медленно повернулось в прежнее положение, чтобы снова держаться под обстрелом весь бульвар.

Люди, прятавшиеся в узком проходе между домами, подтянули туда ящик.

— Да это гранаты! — воскликнул один из шестерых, проведя пальцем по надписи на ящике..

— Гранаты? — недоверчиво переспросил другой.

Остальные уже сдирали ножами железные оковы.

— Гранаты! Да где же ты стянул это?

— Сам не знаю... На какой-

то улице, неподалёку от Сены.

— Неподалёку от Сены? И пробрался сюда? Тебя же могли сто раз прикончить! Ты понимаешь это или нет? «Неподалёку от Сены!» Ну и мальчишка!

— А что? Немножко прогулялся.

Он произнёс эти слова спокойным, почти равнодушным тоном и замолчал, наблюдая, как «наши» подняли крышку ящика и жадные руки схватили гранаты.

ВОТ КАКИМ образом осуществилась в те памятные дни мечта группы парижских повстанцев о гранатах и как был уничтожен

«тигр» на перекрёстке улиц Ришелье и Друо.

Париж так и не узнал имени этого мальчишки, и никто не прославил его героический поступок. Ведь в ту пору у всех было столько дел! И столько в Париже мальчишек!

Но теперь, среди весёлой толпы на Больших Бульварах, может быть, находится и некий молодой человек, не забывший той удивительной прогулки, которую он совершил в один из знойных дней августа 1944 года, когда Париж переживал горячие дни, а сам этот молодой человек был простым мальчишкой из рабочего предместья.

Перевод с французского В. ГИНЗБУРГ

~~~~~

Димос Рендис
(ГРЕЦИЯ)

Анна учится музыке

Двор был такой узкий, что солнце почти не проникало в него. Поиграть в нём — тоже не развернёшься. Но по утрам у Дима и Никоса было одно развлечение: они устраивались под окном господина Боннета, старого учителя музыки. Дим подставлял свою спину, а Никос забирался на неё, пытаясь заглянуть через запотевшее окно в комнату. Сквозь раскрытую форточку доносился монотонный голос учителя:

— До... ре... ля... до... фа...

Дим терпеливо ждал, когда

подойдёт его очередь забраться на спину друга. Осторожно повернув голову, он спросил:

— Анна там?

— Там! — Никос видел только голову и плечи девочки. Можно было лишь догадываться, что её руки скользят по клавишам.

— Не так... До-диез, — выговаривал Анне господин Боннет, — смотри же. До... ре... фа, до... фа, ми... ми...

Мальчишки тут же запели ему в тон:

— Дореми! Фасоль, фасоль!..

В тот же миг чья-то рука схватила Никоса за его далеко не музыкальное ухо.

— А ну, слезай, шалопай! Не стыдно вам? Другой игры не нашли?

— Больно!.. — заскулил Никос, спрыгивая со спины Дима.

— Убирайтесь отсюда! Пусть девочка занимается музыкой.

— Музыка!.. — ворчал Никос, шагая домой. — Не слышно. До... ре... ми...

Вскоре пришёл отец. Усталый, мрачный. Ник знал: мрачный он потому, что и сегодня не нашёл работу. А тут ещё мать рассказала про злополучное окно.

— Опять обезьянничал? — угрюмо спросил отец. — Не смей насмеяться над девочкой. Она хочет учиться музыке — пусть учится. Одни имеют такую возможность, другие нет. Когда будут делать меньше оружия и больше музыкальных инструментов, учиться будут все, кто захочет.

На следующий день Никос и Дим видели издали, как учитель подходил к окну и смотрел, не идет ли Анна. Но она не шла. Никос подумал, что Анна, наверное, боится насмешек Дима, и ему стало не по себе.

— Мальчик, — крикнул господин Боннет из окна, — зайди, пожалуйста, ко мне.

Никос впервые переступил порог комнаты учителя. Это

была темная маленькая комната, обставленная старой мебелью. Никос поискал глазами пианино, но его нигде не было видно. Зато он разглядел на столе длинную полосу картона, на которой были нарисованы клавиши.

— Я хочу попросить тебя сбежать к Анне, — заговорил учитель. — Её отец остался без работы и не может платить за уроки. Но Анна пусть приходит. Ты понял? Иди и скажи ей, чтобы она шла заниматься.

Никос быстро добежал и ещё издали крикнул Анне:

— Идём скорее! Учитель велел прийти. Ты всё равно будешь заниматься.

Анна не заставила себя упрашивать. А Никос шагал следом, весело напевая:

— До... ре... ми! Ми... ми! Ми... ми!

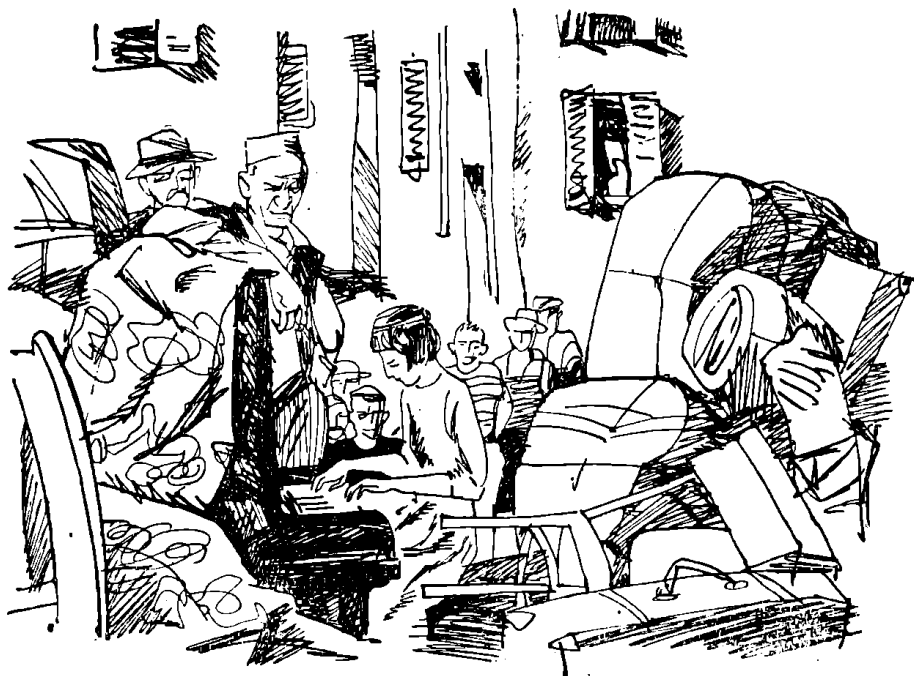
На следующий день Никос и Дим снова играли во дворе. И снова из окна господина Боннета доносились обычные «до... ре... фа». Дим уже было решил, что теперь его очередь влезать на спину другу, но в этот момент послышался голос отца Никоса:

— Никос! Беги принеси мне верёвки. Я нашел работёнку.

— Кто-то переезжает? — спросил Никос, возвращаясь с верёвками. — Возьми меня с собой...

— Пойдём, — улыбнулся отец.

Мебель выносили из богатого особняка. И какая же была красивая эта мебель! Никос просто разинул рот от удивления. Больше всего ему

понравилось пианино. Оно было чёрное, полированное, гладкое, как зеркало. Отец осторожно обвязал его верёвками и вместе с несколькими рабочими медленно двигал. Никос тоже взялся было помогать, но вдруг остановился:

— Папа, когда завернём за угол, останови грузовик. Пожалуйста, папа! И, не говоря больше ни слова, побежал к Анне.

Из его объяснений Анна не поняла ни слова, но, когда Никос настойчиво потянул её за руку, побежала за ним.

На углу улицы их ждал грузовик, нагруженный мебелью.

— Залезайте! — Отец протянул им руки из кузова.

Никос приподнял ковёр, которым было прикрыто пианино. Анна не чувствовала толчков машины. Ее ладони ласково гладили сверкающую крышку, не смея поднять её. Тогда это сделал отец Никоса.

Кто-то пододвинул Анне стул. Девочка дотронулась пальцами до клавишей, и они вдруг зазвучали!..

А грузовик медленно двигался дальше.

Когда подъехали к дому, где нужно было выгружать мебель, отец Никоса подал знак, и грузовик остановился. Девочка продолжала играть свой вальс. Вдруг она подняла глаза и увидела, что рабочие смотрят на неё ласковыми и грустными глазами.

Анна медленно опустила крышку пианино и спрыгнула с грузовика.

Никосу очень хотелось сказать Анне что-то хорошее, и он сказал:

— Знаешь, когда будут делать меньше оружия и больше музыкальных инструментов, учиться сможет каждый, кто захочет!.. Это отец мне сказал.

Перевод с греческого Ф. МИРЕНЕР